

РУССКАЯ

МОДА:

ФЕЙК! ФЕЙК!

ФЕЙК!

РОМАН ОТ ЖУРНАЛИСТА VOGUE

МИСТЕР МОДЖО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мистер Моджо

Русская мода. Фейк! Фейк! Фейк!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Моджо М.

Русская мода. Фейк! Фейк! Фейк! / М. Моджо — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Редактор глянцевого журнала, которого поймали с поддельным Louis Vuitton на неделе моды. Фотограф, готовый пойти на преступление, чтобы получить работу в «Vogue». Агент Интерпола, чья задача - отыскать в Москве сеть производителей контрафакта. И, наконец, мистер Икс - неуловимый глава подпольной пиратской сети. Он хочет завалить подделками весь мир. Перед вами остросюжетный детектив о жестоком закулиссе мира моды. Его автор - журналист ведущих российских фэшн-изданий, который скрывается под псевдонимом Мистер Моджо. "Русская мода. Фейк! Фейк! Фейк!" - его дебютный роман. Содержит нецензурную брань.

Англ. Fake (фейк) – подделка, фальшивка, плутовство
Англо-русский словарь В.К. Мюллера

Примечание: все персонажи, название брендов, описанные ситуации не имеют ничего общего с действительностью. Любые совпадения имен, названий брендов случайны

Часть первая

Гонконг, район Юньлон, швейная фабрика

– Мы все жертвы моды, разве нет?

Молодой человек в костюме от Тома Форда стоит посреди огромного, словно расчерченного на квадраты помещения.

В помещении нет мебели, но и места тоже нет – углы условных квадратов образуют швейные станки, установленные так близко друг к другу, что прямо не пройдешь, нужно боком.

– Вот взять хотя бы меня, – из кармана пиджака, сидящего точно по фигуре, молодой человек достает сигару и засовывает ее в рот.

Над каждым из станков горит лампочка, довольно тускло, а еще свет дают несколько длинных ртутных ламп под потолком. Электричество в сети то и дело падает, все лампы мерцают в разном порядке, и в эти моменты место смотрится весьма зловеще. Впечатление усиливается от того, что за каждым из станков за человеком с сигарой наблюдает пара глаз. Во всех – подозрение, интерес и испуг. Когда света нет, кажется, будто попал в волчью стаю. Когда свет есть – волчья стая превращается в группу молодых китайнок, похожих одна на другую так, что мало какой человек разберет, кто есть кто. Все они исподлобья смотрят на говорящего.

Молодой человек хлопает себя по карманам – ищет спички, находит, прикуривает, пыхтит дымом и, наконец, поднимает глаза:

– Черт, девчонки, откуда вас только набрали?! – изумленно восклицает он. – Вы же все одинаковые.

Сигара не хочет раскуриваться. И хотя на ней написано, что ее сделали на Кубе, и волшебное слово «Коиба» отливает респектабельностью на сигарном банте, видно, что кубинской «гаваной» здесь и не пахнет. Скорее всего, человек в костюме от Тома Форда нарвался на фейк. Такое бывает – хрена с два отличишь эти настоящие от ненастоящих – но человек не сдаётся. Тянет и тянет, пока глаза не выпучиваются от напряжения, и не краснеет лицо – в этот момент он больше всего похож на хрестоматийного буржуа из советских книжек. С красной рожей, при пиджаке и рубашке, не хватает котелка – того и гляди, взорвется от злости. Мерзкий тип.

Китайские девочки, сидящие за станками, тоже читали эти книжки. В их Демократической Республике выпускали такие: только буржуи там всегда были с узкими китайскими глазами – но все остальные атрибуты ненавистного капитализма, включая сигару, оставались на месте. Девочки переглядываются между собой и ухмыляются, но с другой стороны интерес к происходящему с их стороны возрастает. Им всем любопытно, зачем их собрал здесь этот человек, сколько будет длиться рабочая смена, и самое главное – будут ли платить за смену пятьдесят центов, как и везде, или все-таки поднимут до доллара. Все девушки – профессиональные швеи и, если присмотреться, у каждой – мускулистые руки и мозоли на пальцах. На Западе любая из них имела бы по тридцать долларов за смену, но только где его взять, этот Запад? Вокруг – Новые Территории Гонконга, небогатый пригород. На пятьдесят центов в день здесь можно кормить трех младших сестер, покупать бухло безработному отцу и лекарства для матери. Может быть, еще останется, чтобы подкинуть бойфренду. Ради этого девушки готовы вкалывать по восемнадцать часов в день, и еще их заботит: намерен ли белый мужчина брать их в сексуальном смысле? И если «да», то кого? И на какую прибавку к зарплате соглашаться?

Молодой человек худ, белобрыс и похож на денди. Костюм – в коричневую на сером клетку, обут в кеды «Ванс», на шее, под темной рубашкой болтается пастельный галстук-селедка. Сигара не дается ему, и он с раздражением выбрасывает ее в мусорное ведро.

– О чем это я? – продолжает он. – О том, что мы все плетемся за модой и никогда не успеваем. Хотя проводим целые дни, пролистывая интернет-страницы с последних показов, а по ночам не можем заснуть, думая, что оденем завтра... Кстати, вы несомненно слышали об Интернете, да?

Гробовое молчание в ответ.

– ... ну, такая штучка, где щелкаешь мышью и смотришь ролики?

Девушки смотрят на него, широко распахнув глаза.

– Порнуха, спам, последние сплетни? Нет?

Свет в очередной раз гаснет на долю секунды, и из-за перепадов дребезжат лампы.

– Ну, да ладно. Не слышали об Интернете, и хорошо. Беда в том, что мы – изначально проигравшие. Мода – это то, чему мы принесли себя в жертву. И все что мы можем, это только ненадолго сравнивать счет. Да и то – всего лишь для того, чтобы в следующую минуту наблюдать, как новая, самая модная мода стремглав уносится прочь, подобрав свои юбки... или что там в этом сезоне?.. брючки, укороченные брючки, сверхкороткие шортики, миди, мини, макси, широкие плечи, узкие плечи, 80-е, 90-е, нулевые, гранж, рок-н-ролл, олдскул – короче миллион дурацких вещей, которые еще вчера казались такими нелепыми и вызывали смех: «Поверить не могу! Как все это носили?!» И что приносит новый день? Смех обрывается, потому что мы понимаем: мода сыграла с нами свою очередную мерзкую шутку. Изменила позиции. Завершила очередной круг. То, над чем мы так задорно смеялись, оказывается, вновь вошло в обиход, стало актуальным трендом. И вот уже мы – как послушные овечки – простаиваем в очередях и тратим заработанные кровью и потом деньги, чтобы не отстать от моды и не выглядеть зашоренной, темной, скованной предрассудками деревенщиной. Вчера мы ржали над синими татуировками с розами, кинжалами и якорями, но уже сегодня посмотрите-ка на них! Все – и даже дамы, господи! Абсолютно все в синих якорях. А завтра актуальными станут бодибилдеры, или еще кто – и вот увидите: все пойдут в качалки как один, будут жрать протеины и мазать маслом тела.

Вот это и называется мода, девочки – не смейся сегодня, чтобы не стать дураком завтра. Осознай собственную неполноценность. Всегда имей в виду, что найдется кто-то, кто выпендрится еще моднее и еще актуальнее, чем ты.

В первую очередь виноваты в этом долбаные говнюки-дизайнеры. Это они выкидывают на рынок вещи с такой скоростью, словно это автомат, подающий мячи на теннисном корте. И пока ты влезашь в долги, чтобы завладеть одной, у них уже есть наготове следующая. И, знаете, почему? Потому что это их хлеб, и потому что им всегда мало. Мало, мало, мало. Прибыль, рынки, акции, издержки. Они как древние жрецы, которые постоянно поддерживают огонь для своего божества. А знаете, кто хворост для дров? Думаю, ответ всем тут известен. Это мы!

Китайские девушки смотрят на молодого человека, не моргая. Они не понимают ни слова, но это отсутствие реакции несколько его не смущает. Ему, кажется, только и нужно, что прохаживаться вдоль станков и вещать с видом дельфийского оракула, и главное – чтобы никто не перебивал.

– Ну, что же? – засунув руки в карманы брюк, продолжает он. – Когда мы разобрались с некоторыми механизмами процесса, самое время перейти к сути. И она такова: пока иные дизайнеры из числа молодых да ранних ведут за собой толпы, как тот крысолов детей, остаются вещи по-настоящему ценные.

Я имею в виду не движение против войны и не любовь к матери – хотя все это, несомненно, тоже имеет ценность. Я говорю о вещах, которые останутся на века. И этих вещей всего

три. Маленькое черное платье «Шанель», шелковый платок «Hermes» и, наконец, вершина этого треугольника – элегантная, умопомрачительная, неподражаемая сумочка «Луи Вьюиттон».

Молодой человек произносит известные названия, как иные пьют дорогое вино – со вкусом, маленькими глоточками. Затем он делает паузу, чтобы дать посмаковать их девушкам, однако, к его огорчению, те остаются бесстрастны.

– Хорошо, – говорит он и набирает в грудь воздуха перед очередным монологом. – Вы наверняка гадаете, почему вас сюда позвали, и сейчас я объясню. Все вы видите вокруг себя швейные станки. И все вы умеете шить. Вероятно, это означает, что мы здесь будем заниматься шитьем. Однако это не будет простое шитье. Здесь мы будем создавать шедевр, делать самую прекрасную из трех вечных модных вещей. Или – если конкретно – мы будем шить сумочки «Луи Вьюиттон»! Вуаля! – молодой человек разводит руками, как фокусник, только что распиливший надвое девушку и теперь ждущий аплодисментов из зала. Когда становится ясно, что их не последует, он выпрямляется, откашливается в кулак, и продолжает – нимало не смущенный безразличием публики:

– О! Если бы вы могли почувствовать руками нежную шероховатость кожи этих прелестных созданий, если бы вы могли увидеть их королевскую монограмму, оценить изящность и качество шва, энтузиазма у вас стало бы больше. Впрочем, вскоре вы увидите. Вы же будете делать их. Более того – как хозяин фабрики я могу гарантировать, что у вас появятся такие же. У вас, у ваших матерей, сестер, сестер сестер и других. Каждая будет иметь по две, по три – сколько захочет. Потому что вечные вещи не должны быть уделом элиты, и их должно хватать на всех. Вот поэтому я собираюсь завалить сумочками «Луи Вьюиттон» весь мир. Я хочу, чтобы они были в каждой квартире, в каждом доме, в каждой хижине на этом земном шаре. А если у кого-то нет квартиры, что ж... Мы продадим ему нашу сумочку со скидкой. Нам предстоит колоссальная работа, девочки. Но нам же предстоит и завоевать мир. И я хочу, чтобы вы были со мной, я хочу от вас желания совершить подвиг – подвиг, во имя красоты, которую мы вместе понесем людям. Я хочу от вас готовности работать круглосуточно, потому что красоты никогда не бывает много. И конечно – конечно я щедро оплачу эту работу. Скажем – тридцать пять центов за смену каждой. Это без преувеличения царская щедрость. Но я готов пойти на нее, потому что понимаю – таким милым молодым созданиям как вы тоже хочется красиво жить. Тридцать пять центов, девочки. Лучшего вы вряд ли могли и желать!

Одна из девушек, более опытная, слышит произнесенные цифры и переводит их на свой язык – единственное, что она может перевести из этой долгой речи. Она шушукается с соседкой по станку, та с другой соседкой, и скоро уже все будущие швей начинают шушукаться вместе. Отголоски их диалога как эхо летят по помещению фабрики: «он сказал тридцать пять» – «тридцать пять?» – «это настоящий грабеж!».

Если бы молодой человек мог говорить по-китайски, он бы насторожился, но он не понимает, а потому стоит, засунув руки в карманы, и самодовольно глядит на щебечущих швей. Он уверен – только что он сделал китайкам самое выгодное предложение в их жизни.

Из толпы швей отделяется та, самая опытная, которая может немного понимать чужой язык. Он решительно приближается к молодому человеку и на чудовищном ломаном русском говорит ему:

– На всех остальных фабриках платят по пятьдесят.

Тот пожимает плечами:

– Но все это дешевый ширпотреб, деточка. А мы будем делать «Луи Вьюиттон», то есть – настоящую красоту. А, да будет тебе известно, у красоты всегда большие издержки.

– На фабриках «Луи Вьюиттон» платят по девяносто за смену.

Ну... – тушует молодой человек. – Скажем так, у нас не совсем настоящие «Луи Вьюиттон». Иначе, с чего бы мы захотели завалить ими весь мир?

– Мы хотим восемьдесят, – бойко выкрикивает девчонка и выбрасывает вперед руку с растопыренной пятерней, а потом еще раз, но выставленных пальцев остается три. Все вместе это должно символизировать названную цифру.

– Ну... – неуверенно произносит молодой человек.

– Иначе мы не будем работать! – напирает китайка.

– Я готов подумать о сорока, – говорит он.

– Мы донесем на тебя властям! – не сдается девушка. – Пиратская продукция. Они отрежут тебе руку на главной площади.

– Хорошо! – соглашается тот. – Будь по вашему! Пятьдесят!

– Шестьдесят пять.

– Пятьдесят пять.

Последнюю цифру понимают, кажется, уже все, потому что остальные китайки начинают прыгать от радости и обниматься друг с другом.

– И еще, – продолжает самая опытная.

– Что еще?

– Ты не будешь никого из нас водить в постель бесплатно! Тебе ясно?

– Ясно.

Последняя фраза тонет в грохоте восторженных аплодисментов. По всему видно, кто-то совершил сегодня удачную сделку.

Париж, парк Тюильри, неделя моды

Площадь перед парком Тюильри кишмя кишит автомобилями представительского класса. Все они гудят друг другу, требуя пропустить их первыми на парковку. А тут еще группа совсем юных модников-азиатов перекрыла подъезды, чтобы сфотографировать какую-то знаменитость, и в итоге машины движутся по узкой свободной полосе, едва не заезжая колесами на тротуар, вдоль которого растянута белая лента – «Paris Fashion Week. Don't cross the line».

– Чертовы фанаты совсем походили с ума, – ворчит водитель, пытаясь проехать сквозь толпу и никого не задеть. Со своего места на заднем сиденье Полина Родченко не видит, кого снимают азиаты: они обступили объект своего обожания так плотно, что догадаться из-за кого поднялся шум решительно невозможно. Наверняка, это какая-нибудь модель – открытие сезона, сверхновая – поймавшая сегодня свои пятнадцать минут софитов и обожания. Хорошо, если завтра она будет все еще нужна кому-то кроме редакции «Космополитэна» и рекламистов дешевого шампуня, размышляет Полина, рассеянно стуча пальцами по крышке своего нового «Блэкберри». Все эти мысли – не более, чем попытка отвлечься от собственных сомнений, абстрагироваться, держать голову собранной и спокойной. Полина несколько раз глубоко вдыхает, как ее учили на занятиях китайской гимнастики. Отведя взгляд от окна, она пытается представить шум океанских волн и себя, лежащую на солнечном пляже. Это всегда помогало ей. Хотя, даже не проделай она это нехитрое упражнение, посторонний человек вряд ли смог бы догадаться, что Полина Родченко, главный редактор «Актуэль», модного глянца № 1 в России, волнуется так, что дрожат ее острые коленки.

Сегодня – ее первый международный выход в свет. И это не просто выход, а одно из главных событий года, рядом с которым даже вручение «Оскара» может показаться детской забавой. Речь идет о демонстрации новой коллекции «Ланвин», а это означает, что Полина будет сидеть в первом ряду, бок о бок с такими монстрами жанра как Анна Винтур и Эммануэль Альт. Вполне возможно, что после показа к ним подсядет поболтать сам Бруно Сиалелли, создатель коллекции (Полина хотела бы, чтобы вместо Бруно был великий Альбер Эльбаз, но, увы, она была слишком молода, когда мэтр покинул «Ланвин»).

Большинству обычных людей эти имена не скажут ничего. Но в том мире, где крутится Полина, эти люди – живые божества, сошедшие на землю, чтобы озарить ее своими мудростью и светом. Рядом с ними Полина отчаянно хочет оказаться на высоте.

Анна Винтур – редактор американского «Вог». От ее слова и взгляда зависит судьба моды, и не один дизайнер думал о самоубийстве, когда при взгляде на его работы эта женщина поджимала губы и страдальчески возводила к небу глаза – словно просила избавить ее от лицемерия такого откровенного и никчемного убожества.

Эммануэль Альт – человек номер два в мире глянца, редактор французской версии «Вог». Некоторые даже прочат ей первое место на пьедестале. В глобальном масштабе с этим можно поспорить, но то, что в родной Франции выше нее только звезды, не подлежит и толике сомнения. Двери дизайнерских мастерских распахиваются, как только она появляется в конце улицы (говорят, что дверные механизмы в таких местах снабжены устройством, которое открывает их, едва слышит запах ее духов). Рестораны никогда не просят у нее счет – потому что если у них обедала Эммануэль Альт, это и есть самый лучший счет на свете: завтра об этом узнают все, и в ресторане будет не протолкнуться. Модельеры приносят к ее ногам многочисленные дары, жертвуют временем, здоровьем и сном – и все ради нескольких строчек в журнале. А если это будут не просто строчки, а фото-история, то можно сказать, что на счастливица снизошла длань божья и отныне в его жизни будет все хорошо – в плане признания и финансов уж точно.

Рядом с этими двумя обретаются полубоги – японский и итальянский «Вог», «Харперз Базар», «Актуэль», «Эль». Класс чуть ниже, но сферы влияния те же. Потом следует полчище сатиров, наглых и дерзких. Это всевозможные «Дэйзд энд Конфьюзд», «Ви», «Поп» и далее по списку – журналы, ориентированные на молодежь. И, наконец, пантеон замыкают герои – обычные люди, которым удалось прорваться на небеса, подняться из грязи в князи – фотографы уличной моды, сами ставшие иконами для остальных. «Откуда только взялась вся эта разномастная шваль?», – с раздражением думает о них Полина. Боже, ну и имена они себе навывдумывали: «Сарториалист» – то есть, портняжка, «Фэйс Хантер» – ловец лиц, Томми Бой... хм, ну тут все ясно – азиатский недогламур, и венец всего сборища – Сюзи Баббл, полутора-метровое существо в кофтах немислимых расцветок. Все они стали известными, просто публикуя в своих блогах фотографии хорошо одетых персонажей с улицы, или в худшем случае – себя самого в нарядах, или в еще более худшем – просто воруя чужие фотографии с показов и снабжая все это собственными комментариями, вроде: «Ммм, за это платье, я готова убить всех людей».

Как профессионал, Полина негодует, глядя на них, и отчаянно хочет быть в самой высшей божественной касте.

Она пришла руководить «Актуэлем» в России два месяца назад, и сегодняшней показ «Ланвин» – ее первое близкое знакомство со всеми. Действительно, что может быть ближе? Полчаса сидеть на соседних стульях, пить кофе из одинаковых стаканчиков «Старбакса» и изредка обмениваться стандартными фразами: «Как вы это находите?» – «Абсолютно с вами согласна! Я думаю точно так же!».

Полина помнит, через какие муки ей пришлось пройти, чтобы получить эту работу. Три этапа собеседования, три языка – французский, английский и русский, три белые блузки «Диор», которые от волнения становились настолько мокрыми в подмышках, что после интервью их приходилось выкидывать. И вот, последний этап – пятичасовая беседа, в парижской штаб-квартире, а на другом конце стола сам Издатель, и хотя он задает внешне совсем невинные вопросы, дураку понятно, что он – как опытный фехтовальщик – просто прощупывает оборону. «Что вы обычно едите на завтрак?» – «Я не ем абсолютно ничего, только выпиваю чашку двойного эспрессо, и сразу становлюсь на беговую дорожку» – «Вы курите?» – «О! С вашей стороны это очень смешная шутка» – «Вы готовы возглавить филиал издания в России?» – «Да, черт возьми! Да, я готова! Что мне еще нужно сделать? Задрать блузку и попро-

свить вас оставить автограф на моей груди?»... Зачеркнуто. Верный ответ: «Несомненно, да. Пожалуй, вы выбрали лучшую кандидатуру из всех возможных».

Полина действительно была лучшей. Пять лет журналистского факультета МГУ. Пусть и не все одобряют это место, но зато МГУ есть в международном рейтинге, и мы говорим, конечно, о 177-м месте в ежегодном списке 500 лучших вузов планеты. Затем – год стажировки в британском колледже Сэйнт-Мартин, в самом сердце свингующего Лондона, где волна хипстеров, отступала под волной глэм-рокеров, и все ждали третьего пришествия диско. После журфака МГУ, где на протяжении последних 15 лет главной модой оставался кокаин, это был разительный контраст. В Лондоне Полина набралась космополитизма достаточно, чтобы попробовать закинуть удочку в Нью-Йорк.

Удочка закинулась быстро. И вот уже Полина сидит на травке в Централ-парке, ее ножки обуты в очаровательные ботиночки, в которых щеголяет весь Вильямсбург, а в ручках она держит дебютный номер «AssKick» – самого продвинутого и дерзкого журнала в городе. Всего каких-то 35 тысяч долларов на обучение в год, и это не считая квартиры (конечно, Манхэттен), походов в «Старбакс», посещения галерей, оплаты счетов – своих и халявщиков-друзей, покупки одежды (только «Суприм», «Рик Оуэнс» и «ДомА» – ну, и изредка «ЭйчЭм», чтобы никто не подумал про одержимость роскошью). И – скажем – кто бы за все это мог заплатить? И – допустим – совершенно случайно, что на свете существует некий Марк Эдуардович Родченко, держатель небольшого пакета акций «Роснефти» и бизнесмен. И, по чудесному совпадению, Марк Эдуардович является отцом Полины и с детства потворствует дочкиным увлечениям модой и искусством. Тридцать пять тысяч долларов в год плюс остальные расходы – приемлемая сумма для него, потому что главное – главное, чтобы девочка получала знания.

Однако наличие папы не умаляет профессионализма Полины. В Нью-Йорке на нее выходит один крупный глянец из России, для которого она пишет серию статей о «большом яблоке». Не бог весть, какие статьи, но в Москве они производят локальный фурор в среде персонажей, которых принято называть «богемой» – а на деле это истеричный, склонный к зависимостям, буйный зоопарк, и вот – все они уже судачат о статьях Полины и восхищаются ей. Марк Эдуардович счастлив, потому что он всегда отслеживает слухи и хорошо знает всех, а Полина на этой волне делает следующий шаг. А именно – появляется в качестве журналистки на показе Александра Маккуина по аккредитации, с большим трудом выбитой тем же русским журналом. Она стоит в задних рядах, а еще ее основательно обыскивают на входе – как и большинство других, кому не досталось сидячих мест. По ней проводят сканером, смотрят в сумочку, в глаза – и только после этого запускают внутрь. Нормальная процедура, нужная в конечном итоге для всеобщего блага – особенно это стало понятно после убийства Версаче и попытки пронести бомбу на показ Гальяно.

Конечно, охранники уделяют внимание только рядовым посетителям, а Ви-Ай-Пи-персоны преодолевают службу безопасности без каких-либо ограничений. Они смеются и шлют воздушные поцелуи суровым пацанам в форме – «Я поймал тебя, детка! Твой образ останется в моем сердце навсегда!» – отчего последние, не привыкшие к вниманию звезд, смущаются и отвечают робкими улыбками.

Тогда, стоя в разномастной толпе людей, пришедших на показ, Полина торжественно клянется себе стать одной из тех, кто сидит в первом ряду.

Через полгода она становится официальным обозревателем от русского «Элль» на неделях моды в Нью-Йорке. Еще не ближайшие к сцене места, но карьерный рост уже налицо. Спустя еще полгода она занимает должность заместителя редактора моды в московском «Харперз Базар». Через год превращается из заместителя редактора в редактора – и все для того, чтобы двумя месяцами позже покинуть кресло и возглавить русский «Актуэль».

Прием на эту работу означает триумф Полины. Потому что среди прочих привилегий за редактором «Актуэля» забронировано кресло на всех самых значительных событиях мира

моды от Нью-Йорка до Милана. Это кресло – в двух головах слева от Анны Винтур и если, сидя на нем, вытянуть руку в сторону подиума – то можно коснуться бесстрастно вышагивающих моделей. Сегодня Полина впервые посадит в это кресло свою подтянутую, в черной тунике, попку.

Когда из-за гудков лимузина толпа подается назад и освобождает автомобилю место для проезда, Полина наконец может увидеть, кто был объектом всеобщего внимания. Увиденное заставляет ее презрительно скривить губы. Толпа фотографировала так называемую Пандемонию – человека в костюме из латекса, ставшего сенсацией несколько месяцев назад. Пока никто не может сказать точно, девушка это или мужчина, и из-за этого любопытство буквально съедает всех заживо.

Полина старается быть выше любительского помешательства и сплетен. В первую очередь, она – мастер своего дела, и как мастеру ей неприятно, что столько внимания уделяется дешевому эпатажу, кто бы за этим ни стоял. Сегодняшний статус Полины не позволяет одобрять разноцветные виниловые платья и диско-туфли, на которых Пандемония качается на ветру. Как редактору ведущего глянцевого журнала в огромной стране Полине надлежит блюсти строгий дресс-код – это касается, не только одежды, но и образа мыслей. И главное правило дресс-кода: «Нет ничего лучше элегантной классики».

«Блэкберри» в ее руках жужжит – это приходит смска от отца: «Девочка, как ты там? Надеюсь, что все хорошо». Чернокожий шофер втискивает лимузин на парковку и выключает мотор. Полина делает еще один глубокий вдох, а уже в следующий момент элегантный молодой человек в ливрее распахивает дверь, давая ей возможность выйти из автомобиля. Полина бросает смартфон в небольшой клатч и ступает на землю Парижа. Клатч – от «Луи Вьюиттон», и хотя обычно редактора моды не берут с собой на показы ничего, кроме себя любимых, Полина не могла оставить его в машине. Она решила, что если при ней будет что-то, что можно держать, сжимать и перекладывать, никто не заметит в ее руках предательской дрожи – а та, как хорошо знает себя Полина, не замедлит появиться, как только рядом окажутся незнакомые важные люди и подиум. Она боролась с дрожью столько, сколько себя помнит, она пробовала йогу, самовнушение и холотропное дыхание, и хотя ей не удалось полностью победить этого врага, сегодня он не причинит ей вреда. Так обещает себе Полина Родченко, вылезая из лимузина.

Ее отъезд в столицу моды сопровождался жуткой горячкой. В последний момент заклинило молнию на саквояже, так что Полине пришлось грузиться в такси прямо так – саквояж она перевязала скотчем, чтобы удержать вещи внутри, но было ясно, что ехать с таким багажом на неделю моды во Францию не годится. Вдобавок обнаружилось, что у нее нет клатча, который помогал бы сдерживать волнение при выходах в свет. Садясь в такси, готовое везти ее в аэропорт, Полина лихорадочно соображала: какой магазин окажется у них на пути? Первым на пути был «Луи Вьюиттон». Некоторое время она колебалась – не будет ли это слишком чересчур, появиться на людях со столь узнаваемым брендом, но потом решила: надежная классика, хороший крой и респектабельность не вредили еще никому – и, решив так, она командовала таксисту остановиться у магазина.

Памятуя о московских пробках и о том, что, благодаря им, можно опоздать на самолет и пропустить французские показы, Полина пронеслась по «Луи Вьюиттон» как вихрь. Едва взглянув на нужные позиции, она попросила запаковать их и отнести на кассу, а сама в этот момент уже искала кредитную карточку, и одновременно давала по телефону последние наставления своей секретарше.

Она успела на самолет – во время полета отправила более десятка деловых писем, совершила несколько важных звонков, и к моменту прибытия в парижский отель оказалась настолько без сил, что сразу же рухнула на кровать и заснула мертвым сном. По хорошему она начинает ощущать Париж только сейчас – выставляя ножки из салона лимузина на асфальт и

наблюдая краем глаза, как к ней со всех сторон бегут фотографы. Все они уже наслышаны, что прибудет новая девушка из русского «Актуэль» и хотят рассмотреть ее поближе.

Фотоаппараты щелкают как автоматные очереди, свет вспышек ослепляет Полину. Зажмурив глаза, она наслаждается мигмом своей славы и ей кажется, что парижский воздух пахнет карамелью и круассанами.

Внезапно щелканье затворов прерывает развязный мужской бас. Это один из фотографов, он говорит по-французски, и сначала Полина не может разобрать слов. Они будто пробиваются сквозь туман, отделяющий ее, новоявленную обительницу небес, от обычных жителей земли. Но фотограф повторяет свой вопрос, и тогда Полина с ужасом начинает понимать их смысл.

– Простите, мадмуазель, но мне кажется у вас поддельный «Луи Вьюиттон».

– Что? – оторопело переспрашивает она.

– Мне кажется у вас поддельный «Луи Вьюиттон», мадемуазель.

Кровь ударяет ей в голову, дышать становится тяжело, а земля начинает вертеться быстрее. Свет, сделавшийся сначала нестерпимо ярким, меркнет – но перед тем, как провалиться в темноту, Полина успевает заметить хохочущую на заднем плане Пандемонию. Та показывает пальцем в ее сторону и сквозь смех выкрикивает невнятные, но, кажется, очень неприличные слова.

Москва, Хитровка, съемная квартира

Дым стоит столбом, повсюду бутылки, банки, окурки, и башка трещит так, что мало не покажется. Федор Глухов, молодой человек 21-го года, стоит посреди квартиры и в недоумении чешет чуб.

– Откуда только взялось все это дерьмо? – бормочет он.

Чуб выстригли вчера в популярной парикмахерской на Остоженке – тот обошелся в бешеные деньги, но того стоил. Сейчас, несмотря на все алкогольно-наркотические перипетии вчерашнего вечера и похмельное Федорово лицо, чуб продолжает топорщиться так, словно его обладатель только что вышел из парикмахерской.

Кто-то нарисовал губной помадой большую рыбу на зеркале в коридоре. Рыба пляшется на Федора и пускает из зубастой пасти пузыри.

К слову сказать, чуб съел его последнюю наличность. Но еще большую ее часть съела арендная плата: Федор отдал ее вчера хозяйке, и сейчас он смутно вспоминает, что пьянка завертелась как раз потому, что он решил отметить это событие.

Что ж. По крайней мере об одном можно не беспокоиться – в ближайший месяц его не выселят из квартиры... Нет, квартира, это не совсем подходящее слово. Лучше сказать: не выселят из этих роскошных, прекрасных двухкомнатных хором в самом центре города всего по 37 тысяч рублей ежемесячно.

Следующий чек от родителей придет через три дня, но это не самое долгое время, Федор знает это и уверен, что сможет протянуть. Родители, коренные москвичи, живут в двух станциях метро от него и частично поддерживают сына. Не сказать, что тот совсем не зарабатывает денег, но на дворе кризис, и в городе слоняются тысячи таких специалистов как Федор – безработных, злых и голодных. Готовых наброситься на любую работенку, какая только им подвернется.

В таких диких условиях много не заработаешь – остается только держать нос по ветру и ловить удачу за хвост. Федор Глухов – фотограф. Он бы даже добавил – «фэшн-фотограф», но сейчас, в эпоху всеобщих увольнений, банкротств и падения прибылей, с «фэшн» у него получается не очень. Те журналы, где удавалось периодически выманивать деньги под съемки, отказались от его услуг. Два интернет-сайта, для которых Федор снимал посетителей столичных кафе и так называемый бомонд, махнули ручкой и исчезли с горизонта. Единственный

«фэшн», который остался в его жизни – это личный блог уличной моды в одной из социальных сетей. Федор ловит на улицах красиво одетых людей, фотографирует их, а затем вешает на своей странице. Он тот, кого называют «фэшн-блоггер» – один из тех, кто рыскает по городу с фотоаппаратом в поисках модников и радуется, если удалось кого-то найти. Все это он, как и большинство других фэшн-блоггеров делает абсолютно бесплатно, но зато – с любовью, от души и с неиссякаемой надеждой на успех.

Федор чувствует, что мир моды – это его призвание, и если пока призвание не приносит гонораров – что ж, он не против родительских чеков. Он сам предложил съехать из семейного дома после того, как ушел со второго курса политехнического института. Он решил, что начинается новая жизнь, он хотел полета, вдохновения, остроты жизни, и главное – приводить девочек под утро. В родительской квартире мать решительно не позволяла последнего, поэтому Федор Глухов, новоявленный модный фотограф, собрал вещи и уехал.

Интеллигентные люди, родители, переживали, что сын бросил институт, но позже посмотрели на вещи здраво, и решили, что мальчику надо перебеситься. В конце концов, вдруг он и правда нашел себя. В конце концов, кто из нас не уходил из дома, будучи двадцатилетним? Скорее это даже хорошо. Это означает, что в сыне развито страстное, тяготеющее к приключениям начало. И, в конце концов – если ничего не выгорит, ему можно восстановиться в институте и вернуться домой.

Так или иначе, но на семейном совете было решено на первых порах материально поддерживать отпрыска. Не полностью, но частично, чтобы он, наконец, почувствовал ответственность, самостоятельность и все те остальные штуки, о которых всегда говорят люди старше по возрасту, когда хотят преподнести более младшим какой-нибудь урок.

Так Федор отправился в свободное плавание, и сегодняшним утром бурные течения жизни прибили его к берегу, где царит похмелье, не выветрившийся табачный дым и основательно загаженная съемная квартира.

Федор смутно помнит, что вчерашнее веселье началось с танцев в «Солянке» и нескольких порций мартини, которое заботливо покупали ему, безденежному, подружки. Затем была бутылка вермута, приобретенная в «Перекрестке» – в момент покупки в голове у Федора уже основательно шумело, но это не мешало ему беспрестанно щелкать фотоаппаратом. В случае с Федором алкоголь никогда не вредил фотографии, а скорее даже наоборот помогал ей, и часто – после таких вот пьянок – тот обнаруживал наутро сотни неизвестно как отснятых фотографий, иллюстрирующих вчерашние похождения. Все эти серии снимков уже не были просто уличной модой. Скорее это превращалось в репортаж – жесткий и беспристрастный, способный показать истинную сущность вещей и дух времени. По крайней мере, так хотелось думать самому Федору. Недаром одну из стен в его квартире украшал огромный черно-белый плакат с изображением Дэша Сноу – гуру спонтанной фотографии, к сожалению, слишком рано отошедшего в мир иной.

Дэш взирал на Федора Глухова с пониманием – уж ему-то, как никому другому было известно, что немного блевотины, разорванных чулок и отрубившихся девок пойдут только на пользу снимкам. Такова была правда жизни, и Федор с упоением несет эту правду в массы через свой блог, названный им игриво и одновременно с претензией – «GlamYourself». Что в приблизительном переводе означает «Не бойсь – оттянись». По мнению создателя, это название должно отсылать знающих людей к фильму *Trainspotting* и намекать на близкое знакомство с последней коллекцией *Valmain*. Федор гордится собой из-за придуманного им названия и полагает, что из него получился бы неплохой рекламщик. Однако сейчас его мысли заняты другим. Только что он сделал следующий нетвердый шаг в коридоре и с удивлением обнаружил две вещи.

Первая – что он передвигается по своему жилищу исключительно в одних носках. Как получилось, что из всех предметов гардероба остался только этот, Федор не помнит. Он оглядывает себя с головы до ног и в очередной раз недоуменно чешет свежестриженный чуб.

Вещь номер два изумляет его не меньше. В очередной раз опуская ногу на пол, он обнаруживает, что та попадает в неизвестную субстанцию – склизкую, холодную даже сквозь носок. Близоруко щурясь, Федор наклоняется посмотреть что это такое и обнаруживает, что наступил в размазанный по полу салат «селедка под шубой».

В его голове кометой вспыхивает воспоминание. «Перекресток». Пьяная подружка Оля, студентка РУДН, размахивает бутылкой вермута и радостно кричит: «А еще я хочу е-е-е-есть!». И сразу же воспоминание тухнет.

Следующий шаг по коридору приносит новую информацию. На этот раз нога тоже попадает в холодную и склизкую субстанцию, но, в отличие от предыдущей, та не поддается под тяжестью ступни, а стремительно выпрыгивает из-под нее.

«Я люблю морепродукты!» – вспыхивает воспоминание номер два. В придачу к салату Оля хватает большой полуторакилограммовый пакет креветок.

«Интересно, где она сама, эта Оля?», – размышляет Федор передвигаясь по селедочно-креветочному фаршу на полу. Он заглядывает в комнату и сердце у него уходит в пятки. Окно открыто настежь, и это, по его мнению, может означать только одно – что Оля выпала, выпрыгнула, выскочила... Называйте это как хотите, ну, в общем, она оказалась там, на улице, причем вышла туда через окно. Подавляя в себе растущий ужас, Федор осторожно выглядывает наружу.

За окном все, как обычно. Московский день, самое начало октября. Молодая мама прогуливается с ребенком. Где-то вдалеке лает собака. Шумят, качаясь на ветру, тополя. Невнятный, доносится шум большого города – отзвуки автомобильных гудков, музыки и радиосигналов. Никаких следов крови.

Федор делает вывод, что Оля – если конечно сейчас она не найдется в недрах квартиры – ушла домой обычным путем – через подъезд. Он находит на полу полупустую бутылку «Хайнекена», поднимает ее и делает большой глоток. В бутылке плавает окурок, но это не смущает Федора: пальцем он вылавливает его, проливая часть содержимого на пол, а затем жадными глотками допивает оставшееся.

После этого он идет искать рюкзак. Тот валяется на полу в коридоре – там же, где и обычно. Запуская внутрь руку, Федор с облегчением отмечает, что фотоаппарат на месте. Он выуживает его на свет, жмет кнопку «Power» и с нетерпением ждет, когда экран покажет основное меню. В памяти фотоаппарата осталось 222 фотографии, фиксирующие вчерашний вечер – часть из них уже сегодня вечером пополнит собой содержимое блога «Glam Yourself» и соберет приличное количество комментариев. В основном это будут друзья Федора или знакомые по тусовке люди, но в последнее время популярность дневника неуклонно растет – в том числе и за счет посторонних людей, что не может не радовать создателя. Федор пролистывает фотографии, одобрительно хмыкая: на экране, сменяя друг друга, проносятся череда пьяных девиц в платьицах актуальных скандинавских дизайнеров, неизвестные подростки в рваных майках, кеды «Найк», огни, вновь девицы, вновь кеды, голая маленькая женская грудь, усатое лицо таксиста, который вез их из «Солянки», засвеченные лица крупным планом, мужская рука со шрамами, Оля, креветки, опять женская грудь – на этот раз больше, чем предыдущая, плакат группы «Ramonas» на стене Федорового туалета и – на последних пяти снимках – изображение чьей-то задницы с вытатуированной надписью на ней. Надпись гласит: «ЖЕРТВА» и сделана древнерусской кириллицей. Федор сначала недоуменно всматривается в эти последние кадры, потом хохочет, представляя как круто они будут смотреться в блоге, а потом внезапно чувствует, что его накрывает воспоминание номер три.

Собственная квартира. Незнакомый молодой человек с татуировочной машинкой в руке. «Сейчас, милый, я сделаю тебе хорошо», – шепчет он, вонзая иглу в белую кожу. Федор вздрагивает от боли и пытается повернуть голову так, чтобы рассмотреть происходящее за спиной. Когда ему это удается, он видит, как по бедру катится капля крови...

Не выпуская фотоаппарата из рук, Федор бросается к большому, растрескавшемуся зеркалу, стоящему в коридоре, поворачивается к зеркалу голым задом, смотрит на свое отражение и испускает дикий вопль.

За ночь татуировка опухла и, кажется, стала еще чернее. Кириллическая надпись глядит на Федора из зеркала, и когда он в тщетной надежде пытается стереть ее пальцем, отзывается ноющей болью в ягодице.

Гонконг, район Юньлон, швейная фабрика

– Ну, в общем так, девочки! Наверняка все вы хотите знать, что я делал, чтобы так поднаться и с чего начинал. Что ж. Поскольку времени у нас вагон, с удовольствием вам расскажу.

Под равномерный стрекот швейных станков молодой человек прохаживается среди работающих китайнок и время от времени заглядывает через плечо некоторым из них, чтобы оценить качество работы.

– Представляете себе Москву начала нулевых? Вряд ли вы можете себе это представить. Это огромный, холодный русский город, совершенно не похожий на ваш Гонконг. Нет, я нисколько не умаляю достоинств Гонконга, я забирался к вашему Будде, или кто он у вас, и это было сногшибательно. Город как на ладони. И все эти лодочки снуют в проливах как муравьи. Честно говоря, до этого я видел Гонконг только в фильмах про Джеки Чана, но вот проходит время, много времени, и я стою здесь, собственной персоной, и смотрю на все это собственными глазами. Короче говоря, можно охренеть.

Москва совсем другая. В смысле, там тоже можно забраться на какую-нибудь высоту, но, как правило, забираются так высоко только два типа людей. Первые – это проверяющие, большие шишки, страшно сказать – мэрия! Они лезут туда, чтобы обозреть взглядом уголья и оценить, как идет строительство бизнес-центров, подземных парковок и небоскребов. Строительство же, как правило, идет из рук вон плохо: строители не успевают в сроки, материалы задерживаются, бюджеты распилены, а застройщик задерживает рабочим зарплату, потому что в пух и прах проигрался в казино...

Но не волнуйтесь! Уж я-то совершенно точно не собираюсь задерживать зарплату. Потому что я – порядочный предприниматель, и мы здесь делаем большое дело, за которое я буду честно платить вам заранее оговоренную сумму. То есть – сорок пять центов в час каждой.

– Пятьдесят пять! – не прекращая шитья, выкрикивает на ломаном русском одна из работниц. Из-под иглы ее станка выползает кожа с характерными ромбиками «Луи Вьюиттон» – неуловимо похожая на мясной фарш, который непрерывно валится из мясорубки.

– ...так вот, – словно не замечая выпада китайки, продолжает молодой человек. – Стоит этот большой человек на московской высоте, лакей подает ему на бархатной подушечке рюмочку водки, тот залпом выпивает ее, морщится, а затем махает рукой в сторону недостроенных сооружений и говорит: «А хрен с ним. Сойдет и так...» Что, скорее всего, означает, что рабочим так и не заплатят. Не так, как я вам пятьдесят центов в час...

– Пятьдесят пять! – выкрикивает другая китайка.

Молодой человек несильно стучит себя рукой по уху:

– Черт возьми, как же громко работают эти машины! Настоящие звери. Если бы я имел такие в пору своей студенческой юности, я бы уже заделался миллиардером, уж поверьте мне на слово.

Но на чем мы остановились? Второй тип людей, которых в Москве поднимают на такие чудовищные высоты, на какой стоит ваш Будда – это бедолаги и неудачники. Водку на бархат-

ной подушечке им никто не приносит, но зато у них, как правило, заклеены рты, глаза вот-вот вывалятся из орбит, а через кляп они пытаются доказать что-то, что давно уже никого не интересует. Положению этих людей не позавидовать. Обычно их еще держат под локти крепкие бритоголовые парни и обычно они еще наклоняют бедолагу с заклеенным ртом над бездной, над всей этой высотой, и кричат ему: «Когда ты расплатишься за кредит, который мы выдали твоей фирме, мерзкая тварь?». Через кляп до нас могли бы донестись отдельные звуки, и из них при желании можно было бы сложить слово «завтра». Но парни обычно этих слов не слышат, и в следующий момент они отпускают свою жертву, и та, размахивая руками, улетает с высоты в черную бездну. Там так высоко, что даже не услышать звука падения. И только его последнее слово «завтра» еще колеблется некоторое время в воздухе эхом. Да... Москва, начала нулевых – это надо было видеть, девочки. Казалось, что деньги прямо падают тебе под ноги, а все вокруг охвачено только одной страстью – купить всего побольше и подороже, и не попасться милиции или плохим парням.

В жизнь россиян пришла богиня Роскошь, Мисс Лакшэри, а вместе с ней пришли ее верные спутницы – Эксклюзивность, Яркость и Вседозволенность. По улицам Москвы разъезжали «хаммеры» – как на войне, честное слово, а внутри этих громадных машин сидели вчерашние бандиты, завтрашние банкиры, депутаты, попы, модные телочки, индивидуальные предприниматели и просто удачливые люди. Асфальт был буквально завален конфетти, а салюты давали по сто раз на дню – по поводу и без него. Нужно было быть полным идиотом, чтобы этим не воспользоваться.

Мне было 17, и я приехал из Рязани поступать на театральный факультет. Я был уверен в своих силах, молод, честолюбив и наверняка даже талантлив. Не так, как рязанский поэт Сергей Есенин, но уж точно лучше этих сегодняшних выскочек из ЖЖ. И поэтому, когда экзаменаторы попросили меня спеть что-нибудь лиричное, а затем проиграть какую-нибудь сценку из русской классики, я не задумался ни на секунду. Сначала я спел им «Волгу-Волгу», а затем сыграл агонию старушки, зарубленной главным героем в романе русского классика Достоевского. Это был мой конек. Хватаясь скрюченными пальцами за ножки парты, я хрипел: «За-а-а-ч-е-м?», а затем из последних сил поднимался и на подгибающихся ногах ковлял туда, где сидели члены приемной комиссии – чтобы рухнуть перед их столом уже окончательно. Я видел страх в их глазах, и это придавало мне уверенности в том, что все идет правильно. Это была настоящая игра, понимаете? Я имею в виду, если люди боятся, значит, они тебе верят, так? Разве есть лучшее признание для актера?

Каково же было мое удивление, когда меня завернули. Один из них экзаменаторов – самый старый, самый противный и самый бородатый – сказал, что это не совсем то, что они ищут. «Все это импульсивно, весело и здорово, но вам лучше попробовать себя в другом месте», – сказал он. Весело и здорово, каково вам, а? Пока я разыгрывал извечную драму жизни и смерти, пока мои сухожилия лопались от напряжения, а скулы сводило судорогой, этому бородатому буржуазному козлу было весело и здорово!

Что оставалось делать? Не возвращаться же в Рязань. Поэтому я снял квартиру с двумя такими же неудачниками, не прошедшими по конкурсу, и стал шить джинсы, чтобы заработать себе на хлеб.

С шитьем все получилось просто. В квартире, которую мы сняли, стояла швейная машинка, а рулон джинсовой ткани я и мои новоявленные соседи украли из костюмерной театрального института – того самого, который вышвырнул нас пинком под зад. Это даже не было воровством, если вы понимаете, о чем я. Я имею в виду, что нас ведь не взяли, забраковали, выставили дурачем, и теперь мы должны были вновь поверить в себя, восстановить самооценку – и самым простым способом было стибрить этот чертов отрез ткани. Не будь его, мы бы выбили стекло или стащили бы бутафорские шпаги, или наложили кучу перед входом в институт, но все вышло как вышло. Кстати, шпаги мы взяли тоже – и я прекрасно помню, как

мы, полупьяные, похохатывая, тащили награбленное добро к себе домой. «Защитайтесь, Дартаньян!», – кричали мы и тыкали шпагами друг другу в бока, и довольно быстро сломали их. Таким образом от неудавшейся театральной карьеры на руках остался только рулон джинсы.

Я научился шить лет в двенадцать, за что потом миллион раз сказал спасибо своей бабушке. Если бы не она, в Москве я бы начал продавать наркотики или заделался бы мальчиком по вызову, или спился бы, но вместо этого – засел за шитье и стал поднимать первые деньги. Маленьким бабушка буквально силой тащила меня к станку. И пока я упирался изо всех сил и верещал, она приговаривала: «Это ремесло тебе еще пригодится, внучек. А то вырастешь неумехой» – бабуля как в воду глядела, честное слово!

И вот, глядя на этот украденный огромный моток ткани – а он был реально огромный, и его даже пришлось нести вдвоем, потому что один не справлялся – я подумал: «Черт – вот это мой начальный капитал, и я могу изобразить из него, что захочу!» Вариантов было три: делать сумочки, делать юбки и делать джинсы. Конечно, я выбрал последнее.

Для первого не хватало гарнитуры, а второе казалось слишком простым, да и к тому же сразу уменьшало целевую аудиторию почти вдвое. Мальчикам ведь юбки не нужны, так? А я хотел, чтобы мой продукт покупали все.

На первые джинсовые брюки я потратил три дня. Ну, сначала нужно было снять мерки – их я снимал с себя, благо, я был худой и среднего роста – практически, универсальный. Потом потребовалась выкройка – это тоже оказалось довольно просто. В ту пору мы уже знали, что такое интернет, и в этом интернете можно было найти выкройки на любой вкус. Зато со сшиванием разных частей в одно целое поначалу возникли проблемы.

Первые штаны вышли, как бы это сказать... не очень. Они были сморщенные, кривые и позже их пришлось распустить. Вторые, а за ними и третьи, оказались не лучше – ни один нормальный человек не надел бы их на себя. Но зато на четвертых я наловчился. Они будто сами выскочили из-под машинки, ровные, опрятные – такие, что глаз не оторвать. Это было просто загляденье, а не штаны. Стоит ли и говорить, что после этого я быстро наострился делать таких по шесть-восемь пар в день. Сидел за машинкой по четырнадцать часов – ну, уж вы-то должны это понимать, девочки! От сидения моя задница стала твердой как орех, но зато к концу недели я имел на руках не меньше четырех десятков пар отличных, будто с иголочки джинсов. Тут и пришло время задуматься о сбыте.

В Москве я был новый человек, друзей у меня тогда еще не было, а из мест я знал всего одно – проклятый театральный институт, в котором мне не нашлось места. Разложив свое хозяйство по пакетам, я и отправился туда, где встал у главного входа – предварительно поставив перед собой табличку, где обычной шариковой ручкой написал «ДЖИНСЫ. ИМПОРТ. НЕДОРОГО». И – знаете – дело пошло.

Когда меня спрашивали, откуда импорт, я загадочно закатывал глаза. Это означало – и все понимали этот код – что импорт пришел из Америки. Когда мне возражали, что на джинсах нет бирок, подтверждающих, что они американские, я закатывал глаза еще больше. «Контрабандный товар», – выдавал я сухой ответ. Если это не устраивало покупателя, приходилось добавлять, что бирки пришлось срезать, чтобы товар не конфисковали на таможне. Черт его знает, откуда в моей голове взялась эта версия с таможней, но до поры, до времени она срабатывала на отлично. В конце концов, много ли надо студентам, если перед тобой есть американские джинсы, и они стоят вдвое дешевле, чем где бы то ни было? Первая партия ушла влет, а когда я вернулся со второй, ко мне подошли институтские охранники.

«Устроил здесь бизнес, парень?», – спросил один.

Это произошло уже после того, как он основательно заехал мне в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.